

логически, как голодный, так голодным я всегда
демонстрирую. Но это право не физиологическое, а фи-
зическое, как воля, как отчаяние. Я не святой и, может
быть, хуже тебя; но я волк, голодный и лютый, да и
голод дал мне храбрость, а ты тысячу лет — вол, и если
когда-то имел рога и копыта, чтобы убить меня, то те-
перь — стар, расслаблен, и вот я съел тебя...» Р.
соп-демократ, теория сводится к тезису: «Хочется ли
кушать?». Что же, тезис-то ведь прав. Против него

ГОЛОС — один из феноменов как в эссеистике Р., так и в философии личности писателя. «Голос — великий показатель натуры, именно — самого фундамента ее, органического, физиологического сложения». Из этого определения для Р. вытекали «необозримые последствия, практические и теоретические» (ВЕ, 457–458). Г. для Р. является тем единственным в человеке, «чего не подделаешь»: «Это уже не “кокетство скромностью”, которую еще можно подделать: это — сама душа, вернее говорящая о сокровищнице сердца, о характере, чем взгляд, чем улыбка. Все поддельно, кроме голоса. “Задумчивый голос”» (ВТРЛ, 273). Г., наиболее точно воплощающий живую личность, дыхание, дух, сердце, «сердечку души» (ОПП, 535), — метафизический феномен: «Достоевский умер»: и значит живого я никогда не могу его увидеть? и не услышу, какой у него голос! А это так важно: голос решает о человеке все... Не глаза, эти “лукавые глаза”, даже не губы и сложение рта, где рассказана только биография, но голос, т.е. врожденное от отца с матерью, и следовательно, из вечности времен, из глубины звезд» (ОПП, 530). В «метафизическом “строении лица”» Г. принадлежит, по Р., к «органам благородных, “человеческих” чувств»: «ухо и дар музыки, глаз и

талант живописи, обоняние и вкус... "Устами" мы говорим» (ЛИ, 84). В «тембр голоса» входит музыка (АНВ, 333). Р. убежден, что для того, чтобы проникнуть в душу человека, нужно иметь «дар слушания голосов» — уметь слушать человека, т.е. улавливать не внешние значения слов, а «подголоски», тени звука «под голосом» (У, 109), в которых и говорит душа. Самым существенным в характеристике Г., по Р., является *интонация*, тон, которой раскрывает «внутреннюю правду» (СОЧ, 519), скрытую глубину нравственной направленности, интенции души. Личностность и метафизичность, которые Р. ценит в литературе превыше всего, проявляются в Г. писателя, который противопоставляется идущей на смену безличной газетной цивилизации: «Гул печатных станков и ни одного человеческого голоса. В "Литерат. изгнанниках", пожалуй, мне и хочется собрать последние человеческие голоса. Пожалуй, это инстинкт или предсмертная (о них) тревога <...> "Божий голос" — брезжилось. И хоть надоела ужасно, но "Божий голос". Но ухо мое давно расслушало: чугунные голоса, медные груди» (СХР, 210). Творческое вдохновение заменяется в литературе копией, поющая душа — сатирой и холодной наблюдательностью: «Большая разница — соловьиный голос в груди, и — удивительный инструмент перед губами, которого музыка "даже лучше соловья"» (ОПП, 560). Письменная литература родилась, по Р., из «выговариванья» (У, 46): «"Говор", "слово" — есть орган литературы <...> в тонах, в интонациях, в певучести, ласке, нежности» (ОПП, 660). Критерием настоящей литературы для Р. является присутствие в ней Г. автора. Поэтому Достоевский, которого писатель считает «проповедником, и гораздо менее писателем», «достигает великой силы и красоты» в личных монологах героев, «где он собственно не пишет, а говорит, проповедует, произносит (от чьего-нибудь лица) речь» (ОПП, 202). Эту черту Р. подметил и в стиле К.Н. Леонтьева, почерк и манера написания которого выражает его Г.: «С подчеркиванием слов или иногда в слове только слогов, которые он произносит резким и острым способом, как женщина чешет косу, откидывая далеко гребень» (ЛИ, 322). Именно этим Леонтьев «всегда прельщал» Р.: «Писал, как думал, как написаны эти письма» (ЛИ, 368). А причину литературной неудачи Ф.Э. Шперка Р. видит в обратном — в отсутствии единства между устной, разговорной формой произведения и его письменным воплощением. Это единство осознается как самое существенное и в творчестве Р. — как им самим («Эти говоры (шепоты) и есть моя "литература"» (У, 81)), так и его современниками; например, З.Н. Гиппиус отмечала: «Пишет он — как говорит: в любой строке его голос, его говор, спешный, шепотный, интимный» (ПРО, 1, 148); Р. волновал «своим интимным "шепотком" сердца» (Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М., 2002. С. 232). Р. называет свою литературу «шепотами» и в силу внимания к своей любимой теме пола: «Предмет стыда, т.е., поправляем мы, застенчивости, и этого странного инстинкта, в силу которого все в природе понижает свой голос, начиная говорить о важном <...> И мы застенчивы, укрываемся, "шепчемся" — именно когда становимся чрезмерно серьезны, или когда расстроганны, или когда интимны» (РФК, 163–164). Мысль, идея, смысловая позиция воспринимаются Р., переда-

ются и оформляются в его тексте чаще всего именно в форме Г. (отсюда столь многочисленные в его произведениях диалоги, курсивы, кавычки, скобки). По мнению Э.Ф. Голлербаха, «для уяснения смысла различных "интонаций" Розанов читатель должен внимательно считаться с его кавычками и подчеркиваниями. В них звучит его голос, в них — все оттенки его *стиля*» (ВНС, 338). Личность жены-друга Варвары Дмитриевны раскрывается им не в описании ее внешнего портрета, а именно через «один слабый надтреснутый голосок» (У, 201), который понимается Р. как смысл всей его жизни: «Голосок у нее был тоненький-тоненький, слабый-слабый: как у прищемленной птички» (У, 153). Тем самым писатель продолжает традицию Достоевского («надтреснутое, сломанное» в Г. героини рассказа «Кроткая» как проявление униженной, забитой, но все же остающейся внутренне свободной женской души), о чем свидетельствует одноименная рассказу Достоевского розановская запись (АНВ, 16–17). Чтобы понять произведение, нужно вслушаться в Г. писателя, например, «говорящего Пушкина, угадывая интонацию, какая была у живого» (У, 109). Таким умением обладал Н.Н. Страхов, в чтении которого Р. открыл «бездну для себя нового» в творчестве Л.Н. Толстого (ЛВИ, 366). Г. раскрывает и душу читающего, например, дочери Тани, рассказывающей наизусть стихи Пушкина (У, 155–156). Причину непонимания Э. Голлербахом писем В. Мордвиновой Р. видит в том, что «он не слышит ее души; он глух к ней», что для Р. «научно любопытно»: «Отчего из двух умных и прекрасных людей один может совершенно не слышать другого?! Есть, что ли, разные категории душ? Разные камертоны душ, разные напевы душ? Тогда как много разъясняется в судьбах и в ходе литературы!!!» (ВНС, 341–342). Усвоить по-настоящему знания, передать культуру другому можно лишь через Г., что и происходило, например, в студенческие годы Р. на лекциях по всеобщей литературе Н.И. Стороженко, отличавшихся «необыкновенной живостью и теплотой его чтения»: «Точно он вводил в старинное книгохранилище, с тысячами золотящихся корешков переплетов, с инкунабулами в одной зале, с энциклопедистами в другой, с театром в третьей: и все эти книги зашелестели, развернулись, зашептали вошедшей сюда толпе неофитов-студентов XIX века голосами XIV, XVII, XVIII веков» («Памяти Н.И. Стороженко» // НВ. 1906. 18 янв.; ОНД, 11). В противоположность этому Г. профессора А.Н. Шварца напоминал Р. «ненамыленную мочалку», т.е. был «сухой, дерущий уши и не дающий ничего ласкового душе слушателя» («Из дел нашей школы» // Новое Слово. 1910. № 8. С. 25–26; ЗРП, 282). Дух культуры уловим только Г., книга, факты, разум не способны заменить личную беседу профессора и студента: «Никакая книга не содержит в себе интонации живого голоса живого человека и не содержит "отступлений в сторону", оговорки и замечаний, — которыми профессор сопровождает чтение в аудитории <...> Словом, книга всегда "без штрихов"; и в книге говорит ученый "без тона"; а "тон делает музыку"» (Розанов В.В. Л.Н. Толстой и русская церковь. СПб., 1912. С. 20; ТПРН, 254). О.Э. Мандельштам увидел в этой «филологической природе души» Р. его «тяготение к домашности»: «Филология — университетский семинарий, семья <...> потому что всякая семья держит-

ся на интонации и на *цитате*, на кавычках» (Мандельштам О.Э. О природе слова // Мандельштам О.Э. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 178). Г. для Р. непосредственно связан с проникновением в *тайну* сакрального, непроницаемого четырехбуквенного имени ветхозаветного Бога Яхве. Его имя Р. интерпретирует как «зов-вдох», состоящий из гласных звуков с придыханиями: «“кто умеет произнести тетраграмму — владеет миром”, т.е. через Бога. В самом деле, *тайна* этого зова заключается в том, что Бог не может не отозваться на него, и “является тут” со всем своим могуществом» (У, 54). Феномен *обрезания* Р. связывает с вырывающимися бурными ветхозаветными пророками, «с их “сжимами” и “разжимами” голоса, как бы ритмизирующими той же “Песни песней”» (ВЕ, 128). Через особое отношение к Г. на Востоке Р. раскрывает своеобразие восточной цивилизации в отличие от западной: «Не берется богословие и наука, не берется даже голос для певца, ни — знание нот, ни — слух («кантор» значит «певец псалмов», певец *молитв* в синагоге), а <...> высматривается полнота жизненных сил» (АНВ, 249–250). Главенствующую роль Г. писатель видит в удивительной «музыкальной стороне» русской православной службы, «закрывающейся в повышении и понижении голоса, произносящего молитвы, в напевах молитв» (ТПРН, 253). Первым и самым важным в священнике, в его духовном образовании и совершаемом им богослужении Р. считает умение владеть Г. Это искусство и мастерство заключается в музыкальности Г., отчетливой дикции, в одушевлении, в глубоком благоговении к слову, в «сознании его величия и всеобъемлемости». Без «простого, устного, живого, одухотворенного слова» «“должность священника” теряет все свои краски и не достигает своего смысла», т.е. «религиозное душевное движение» остается формальным («О важнейшей нужде церкви» // НВ. 1913. 28 июня; НФП, 107). Идеал такого священника Р. видел в *Иоанне Кронштадтском*, который произносил молитвословия «не этим зауспокойным и как-то «вообще-православным» голосом, к какому мы привыкли, какой сделался ритуальным в православном богослужении», а «несколько скороговоркою» и «лично» (ЛВИ, 536). В Г. оперных и камерных певцов (Ф. Шаляпина, М. Зембрих, А. Мазини, М. Долиной) Р. ценит не мастерство и приемы пения, а «феномен природы <...> который невозможно выработать, “сделать”, нельзя создать никакою школою» (СХ, 318). Соловей, «излучившийся “в голосе”», стал для Р. символом естественного аскетизма, сублимирующего, преображающего пол в любовь к миру, символом «порыва плоти в ее эфирнейшем излучении». В жизни естественного аскета доктора Ф.П. Гааза Р. проводит антитезу книги, логической философской системы Ф. Шеллинга и его личной переписки с этим философом, которую Р. воспринимает как «плоть, “дыхание жизни”» именно по признаку непосредственного общения, «небрежного “шепота”, крох любви» (РФК, 174–175). Особое внимание Р. к Г. проявляется и в его наблюдении над костромским диалектом, который не мог не унаследовать и он сам: «Костромичи все “акают”. Говор их прелестен по мягкости, благозвучию и некоторой гортанности. Говорят “бываат”, а не “бывает” <...> “Ну, чадо мое, гороховое”... — так это и звучит в ухе» («Кострома и костромичи» // НВ. 1909. 2 июля; СМР, 216–217). О ро-

зановской манере говорить вспоминают близко его знавшие: «Отца считали способным к научной работе и предложили ему остаться при *университете*. Но отец отказался, так как был убежден, что не может читать лекций по самому складу своего характера и по слабости голосовых связок <...> говорил всегда как бы про себя — скороговоркой и часто в шутливом тоне, а если о чем-нибудь спорил, то всегда сердито, раздраженно и убежденно» (ТР, 16, 103–104). З.Н. Гиппиус вспоминала: «Говорил быстро, скользяще, не громко, с особенной манерой, которая всему, чего бы он ни касался, придавала интимность. Делала каким-то... шепотным» (PRO, 1, 145).

А.А. Медведев

«ГОЛОС РУСИ» — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходившая в Петербурге (Петрограде) 1 января 1914 — 27 февраля 1917. Издатели — члены монархической организации «Русское Собрание» С.Н. Алексеев и М.П. Дмитриев. Тираж газеты — 10 000 экз. в 1915. Основу авторского коллектива составили молодые журналисты, сотрудничавшие в «Новом Времени», «Русском Знамени», «Грозе» и других русских национально-патриотических изданиях: А.А. Бурнакин, А.А. Карелин, А.М. Ренников, М.М. Спасовский. Регулярно печатался М.О. Меньшиков. Газета неизменно выражала поддержку политической, нравственной и литературно-эстетической позиции Р. Особенно это проявилось в период кампании против Р. со стороны либерально-еврейской печати в начале 1914 (в связи с его изгнанием 26 января 1914 из Религиозно-философского общества) и в августе 1916 (в связи со скандалом вокруг второго выпуска альманаха «Стрелец» (см. «Маяковский»). Защите чести и доброго имени Р. посвящены статьи: Николаев М. Держиморды (1914, 21 янв.); Гр-въ Ал. Кошерная философия (1914, 31 янв.); Козельский О. Мысли националиста. Горе вам, книжники и фарисеи! (1914, 4 февр.). В статье «Держиморды» был дан ответ либеральной прессе: «Что же такого преступного совершил В.В.Розанов?... <...> Только всего, что позволил себе думать в деле *Бейлиса* не так, как это угодно было *евреям*». Отповедь поведению молодого Маяковского, явившегося, по сути, марионеткой еврейских кругов, — в связи с его публичным выпадом против Р. (Биржевые Ведомости. 1916. 23 авг.) была дана в фельетоне «Облако в штанах» за подписью «Ювенал» (1916. 26 янв.), автором был М.М. Спасовский. В фельетоне Ювенала «Передоновы» (1916. 23 окт.) содержится критика позиции «Биржевых Ведомостей» в отношении молодежного консервативного журнала «Вешние Воды» и участия в нем Р. В газете опубликовано 5 статей Р.: «Владимир Соловьёв. Стихотворения» (1916. 25 апр.; ЛВИ); «Из предвидений Достоевского о германизме и борьбе с ним» (1916. 9 авг. — перепечатка из «Нового Времени» от 30 июня 1916; ВЧВ); «“Священный” оттенок в теперешней войне» (1916. 5 окт.; ВЧВ); «К вопросу о “недвижимости” духовн. сословия» (1916. 15 окт.; ВЧВ); «Из наблюдений “с места”» (1917. 3 янв.; ВЧВ). В статье о шестом издании стихотворений Вл. Соловьёва (под редакцией его племянника, поэта Сергея Соловьёва) — поэзия Вл. Соловьёва стала поводом для более широких обобщений философского характера: «Конечно, Соло-